Генерал-Лейтенант
В. К. ВИТКОВСКИЙ

В БОРЬБЕ ЗА РОССИЮ

ВОСПОМИНАНИЯ

1963

К. Пржишовский

1963.

Генерал Витковский скончался 19 ~~фе~~ .ян-
варя 1978 г. в Сан-Франциско (КАСЦ)

Генерал-Лейтенант
В. К. ВИТКОВСКИЙ

В БОРЬБЕ ЗА РОССИЮ

ВОСПОМИНАНИЯ

1963

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский народ продолжает страдать под игом безбожной коммунистической власти.

В Свободном Мире, до сего времени, нет полного понимамания коммунистической опасности.

Продолжается смешение понятий — Советская власть и Русский Народ.

Существует тенденция расчленить Россию, что конечно не отвечает чаянию русскаго Народа и совершенно нежизненно.

История России преподносится искаженной и лживой.

И не смотря на столь мрачную действительность — русские патриоты, живущие в свободных странах, должны продолжать борьбу за Россию, всеми доступными средствами.

Основой Российской Эмиграции несомненно явились воины Белых Армий, боровшихся за Россию на разных фронтах нашей Родины и образовавшие затем в эмиграции, в 1924 году, Русский Обще-Воинский Союз. Русское Освободительное Движение во время Второй Мировой Войны — РОА — явилось продолжением Белой Борьбы.

Ряды наши редеют, в силу чего, мы должны обратить особое внимание на воспитание нашей молодежи в русском духе и привлечение ее в наши ряды.

В настоящей книге изложено несколько эпизодов из прошлаго, — некоторые, — рисуют патриотизм, высокий дух, отвагу и жертвенность Белых Воинов в борьбе за Россию, другие — показывают мерзкие и подлые действия Советской власти, стремящейся разложить и уничтожить Белую Эмиграцию.

Дабы избежать всемирной катастрофы Свободный Мир должен познать общаго врага — интернациональный коммунизм. Наш священный долг способствовать этому познанию,

а также способствовать и пониманию, насколько важно для всего Мира, — ПРАВИЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.

Наш голос может быть услышан только при условии нашего единства всей Российской Белой Эмиграции, включая как старую эмиграцию, так и новую а также непременно и наше молодое поколение.

В единении сила. Да сохранится, по прежнему, вера в конечную победу Добра над Злом, — освобождение Русскаго Народа от безбожной коммунистической власти и грядущее Возрождение ВЕЛИКОЙ РОССИИ.

В. Витковский.

I.

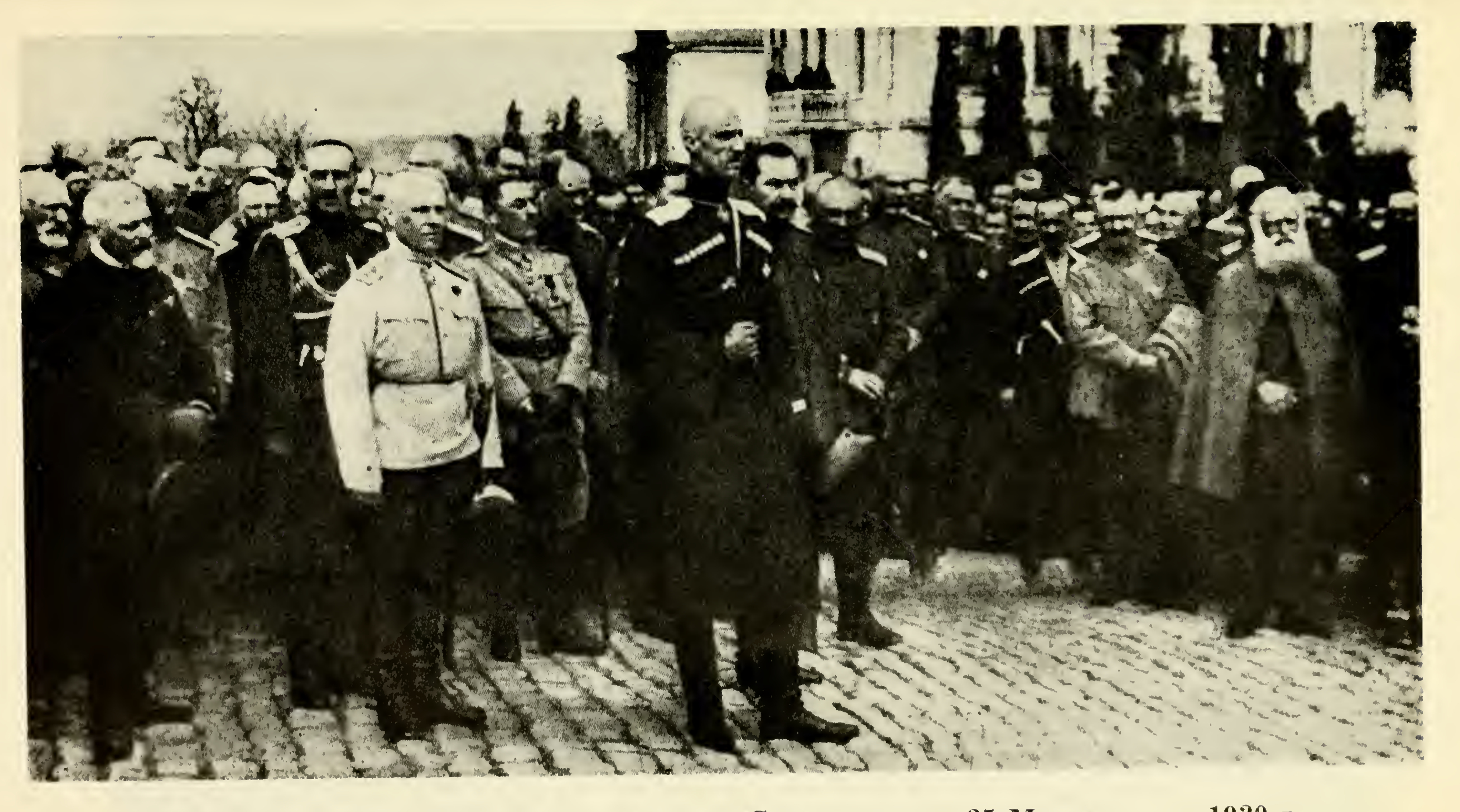
ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

ПОРТ ХОРЛЫ (КРЫМ)

Апрель 1920 г.

Генерал Барон П. Н. ВРАНГЕЛЬ

Молебен во время Церковнаго парада в Севастополе. 25 Марта ст. ст. 1920 г.

CRIMEAN CAMPAIGN OF GENERAL WRANGEL, APRIL-NOVEMBER, 1920

Карта Крыма

ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ. ПОРТ ХОРЛЫ (Крым)

30 марта — 4 Апреля 1920 года.

I

Порт Хорлы расположен на берегу Чорного Моря, в верстах 40 к западу от Перекопа.

(Все числа по старому стилю).

После тяжелой Новороссийской эвакуации (13—14 Марта 1920 года) части Вооруженных Сил Юга России прибыли в Крым.

В частности, Дроздовская Стрелк. Дивизия, входившая в состав 1-го Армейскаго Корпуса, прибыла в Севастополь 17 Марта, где и была расположена.

22 Марта состоялся Приказ Генерала Деникина о назначении им, вместо себя, Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России — Генерала Барона П. Н. Врангеля.

24 Марта я представлялся новому Главнокомандующему на крейсере «Генерал Корнилов».

25 Марта, на Нахимовской площади, были построены войска, отслужен торжественный Молебен и затем состоялся парад. После окропления войск Святой Водой, Генерал Врангель обратился к войскам. Он обрисовал в кратких словах наше тяжелое положение, что он встал во главе Армии, веря, что Господь не допустит гибели праваго дела и, что зная безмерную доблесть войск, он непоколебимо верит, что они помогут ему выполнить долг перед Родиной. Войска проходили затем церемониальным маршем. Я командовал парадом.

С перваго дня своего вступления в командование Вооруженными Силами Юга России Генерал Врангель наметил операцию по овладению выходами из Крыма. В этой опера-

ции, для западнаго десанта, предназначена была вверенная мне Дроздовская стр. Дивизия.

29 Марта, в первый день Св. Пасхи, вечером я был вызван в Штаб Главнокомандующего для получения боевой задачи. Дроздовская Дивизия должна была погрузиться на суда, двинуться к порту Хорлы, где произвести высадку и затем, наступая в сев.-восточном направлении — отвлечь на себя силы противника, наседавшие на Перекоп.

Части Крымскаго Корпуса, занимавшие Перекоп, должны были своевременно перейти в наступление.

30 Марта днем началась погрузка в Севастополе. Штаб Дивизии и 2-й Дроздовский стр. полк (его большая часть) — «Цесаревич Георгий». 1-й Дроздовский стр. полк. — «Веста» и «412». Часть 2-го Дроздовскаго стр. полка — «Павел» и Дроздовская Артиллер. Бригада (без 4-го Гаубичнаго дивизиона) — «Россия».

В Севастополе оставались: 3-й Дроздовский стр. полк, 4-й Гаубичн. дивизион и тыловыя части Дивизии. Инженерная рота еще 26 Марта была отправлена в Джанкой.

Следует указать, что после Новороссийской эвакуации — Дивизия не имела ни орудий,ни лошадей. Для предстоящей десантной операции было получено в Севастополе: 4 легких орудия с полной упряжкой, 18 верховых лошадей, радиостанция, 2 автомобиля «Форд» и 2 мотоциклета. Один из автомобилей служил подвижной базой с горючим.

Краткий отдых, после всего перенесеннаго, позволил людям отдохнуть физически и окрепнуть духом.

Поздно вечером 30 Марта погрузка была закончена. 31-го рано утром эскадра, во главе с «Цесаревич Георгий», направилась к порту Хорлы. К вечеру эскадра прибыла на внешний рейд, верстах в 8-ми от Хорлов. 1 Апреля, с разсветом, на разведку был выслан тральщик «Скиф». Подойдя к Хорлам «Скиф» был обстрелян артиллерийским и пулеметным огнем, что явилось неожиданностью, ибо предполагалось, что порт Хорлы противником не занят.

Тем временем, вся эскадра вошла во внутренний рейд. Из Хорлов начался обстрел наших судов.

Как оказалось, Хорлы занимались двумя полками, с большим количеством пулеметов и 4-мя орудиями, хорошо пристреленными по единственному ведущему в порт «каналу» — фарватеру, с версту длинною.

Наша судовая артиллерия открыла огонь, пытаясь нащупать батарею красных, но заставить замолчать ее не удалось и обстрел продолжался.

При создавшемся положении произвести высадку войск не представлялось возможным. Вывести суда из под артиллерийскаго огня тоже было трудно, т. к. внутренний рейд был окружен мелководьем, а выход на внешний рейд, т. е. в открытое море, пролегал сравнительно близко от порта Хорлы. Оставаясь на внутреннем рейде, наши суда отошли к южной его части, наиболее отдаленной от Хорлов. Артиллерийская перестрелка продолжалась до сумерок. С наступлением темноты эскадра вышла на внешний рейд.

Создалось серьезное положение. Хорлы заняты сильным противником, наше присутствие обнаружено. В порт войти возможно, как указано выше, только по «каналу» — фарватеру, обозначенному буйками.

Было послано донесение Главнокомандующему, на которое последовало подтверждение необходимости выполнить операцию. До поздней ночи я со своим Штабом, командирами частей и морским начальством, выясняли обстановку и все возможности для успешнаго выполнения боевой задачи.

Были обследованы возможности высадки на побережье, возле Хорлов, но оказалось, что суда, из за мелководья, не могут приблизиться к берегу, катеров и лодок было недостаточно, да и пересадка на них, а затем движение к берегу, частью по воде, в неизвестных условиях, на виду у противника, — не могли иметь успеха.

Взвесив все данныя, я принял решение и приказал начать операцию 2 Апреля, перед разсветом.

Один батальон 1-го Дроздовскаго полка должен был, на тральщике «Скиф», первым пройти по «каналу» в порт Хорлы, где и высадиться. Затем, должны были двигаться туда же суда с другими частями.

Только при соблюдении всех предусмотренных предосторожностей, можно было разсчитывать на внезапное появление наше в самом порту. Предъидущий день, с полной очевидностью, показал, какую исключительно трудную и ответственную задачу предстояло решить.

Было еще темно, когда вся эскадра вновь перешла во внутренний рейд и при полнейшей тишине, без всяких огней, произведена была перегрузка соответствующих частей на

тральщики. Предразсветный сильный туман в значительной мере помог нам.

В назначенное время «Скиф» с 1-м батал. 1-го Дроздовскаго полка, под командой Полковн. Петерса, двинулся на Хорлы. В напряженной тишине, последующие эшелоны, ожидали своей очереди начать движение по «каналу» — фарватеру к Хорлам. Наконец, в направлении Хорлов, послышалось «ура» и намеченное движение судов началось.

Появление «Скифа» в самом порту у пристани — явилось полной неожиданностью для противника. Закипел горячий бой и к разсвету, высадившийся батальон выбил красных из порта и занял ближайшие строения. Наши суда подходили. Части быстро разгружались и двигались вперед.

Наступившее утро встретило нас в приподнятом настроении. С помощью Божией и благодаря доблести Дроздовцев и Моряков — первая часть боевой задачи была выполнена.

Порт и поселок Хорлы был расположен на южной оконечности узкаго и длиннаго полуострова.

Выдвинув передовыя части на север, к перешейку, где начинался полуостров, части Дивизии продолжали разгрузку. День прошел спокойно.

К вечеру, в порту оставалась только «Россия», на которую было приказано погрузить имущество, немогущее быть поднято людьми и лошадьми. Все остальные суда выходили из порта по мере разгрузки.

На утро 3 Апреля я назначил общее наступление.

Около 1 часа ночи красные внезапно атаковали наше охранение, смяли его и продолжали двигаться на юг к порту Хорлы. Эта неожиданная ночная атака красных создала грозное положение, малейшая неустойка — грозила гибелью.

Без промедления мы перешли в контр атаку, причем двинулись вперед с оркестром музыки, под марш. Красные не выдержали и откатились назад. Положение было возстановлено, но отдых, перед назначенным утренним наступлением, был нарушен. Раненые были погружены на «Россию», которая утром вышла в море, на присоединение к эскадре.

В 9 часов утра началось наше наступление на дер. Адамань, (к сев.-вост. от Хорлов). 2-му Дроздовскому полку было приказано отбросить противника на север, пропустить 1-й Дроздовский полк, после чего следовать в арьергарде.

Задача эта была успешно выполнена 2-м полком и колонна двигалась в направлении дер. Адамань.

Как было указано раньше, Дивизия получила только 18 верховых лошадей, которых я передал разведчикам 1-го дивизиона Дроздовской Артилл. Бригады, дабы иметь хотя бы небольшой разведывательный орган. Я был на небольшом «Форде» со своим адъютантом Капит. Кречетовым (пулеметчиком) с пулеметом «Люис». Все остальные начальствующие лица были пешими.

При приближении колонны к дер. Адамань, будучи в голове колонны, вместе с конной разведкой, мы обнаружили колонну красной конницы с 4-мя орудиями, двигавшуюся восточнее дер. Адамань, в северном направлении. Я немедленно вызвал нашу батарею и вместе с конной разведкой атаковал во фланг мчавшихся красных. Нами были взяты эти 4 орудия, с частью прислуги, 10 пулеметов и до 25 конных пленных. Трофеи оказались для нас чрезвычайно ценными.

Наша колонна победоносно втягивалась в дер. Адамань.

Часа в 4 дня было обнаружено появление красной конницы, сперва с сев.-востока и с севера, а вскоре и с запада. Количество красных все возрастало, при наличии большого количества тачанок с пулеметами. Я отдал приказание — не открывать огня, до особаго распоряжения с тем, чтобы подпустить красных возможно ближе. Были выделены части с пулеметами, занявшия подходящия позиции на окраине деревни, стала на позицию и артиллерия. Противник продолжал приближаться, окружая нас с трех сторон. С четвертой стороны было море.

У нас наступила мертвая тишина, которая не могла не оказывать известное влияние на состояние противника. Тем не менее красные приближались и когда наконец лава была уже совсем близко, — был открыт сильнейший огонь — ружейными залпами, пулеметный и артиллерийский. Эффект получился замечательный, противник не выдержал и бросился назад, понеся значительные потери.

Прошло некоторое время и по дер. Адамань красные открыли сильный артиллерийский огонь. Можно было предполагать, что у противника появилось 12 орудий. Появилась вновь и красная конница, видимо желая возобновить атаку.

Артиллерийский обстрел противник продолжал до сумерок, выпустив до тысячи снарядов, но атаки не последовало.

К ночи было выставлено охранение от 2-го Дроздовскаго полка.

Минувший день показал, что противник сосредоточивает против нас значительные силы, по всей вероятности, оттянув часть таковых из Перекопскаго района.

Отсутствие тыла, достаточнаго транспорта, необезпеченность продовольствием и боевыми припасами, а также наличие раненых, — указывали на необходимость, без промедления, двигаться на соединение со своими, т. е. к Перекопу, пробивая себе путь через красное окружение.

На 4-е Апреля я приказал Дивизии выступить в 3 часа утра, в направлении на дер. Преображенку. В голове колонны 2-й Дроздовский полк, снятый с охранения, затем Штаб Дивизии, раненые, артиллерия и в арьергарде 1-й полк.

Было еще темно, когда колонна двинулась в сев.-восточном направлении. При подходе головы колоны к Скотному Двору, что в верстах 6-ти от дер. Адамань, красные, занимавшие этот Двор, открыли огонь. После некоторой перестрелки наши передовые части атаковали красных при громовом «ура» всей колонны. Выбив красных мы продожали безостановочное движение вперед.

Часов в 6-ть утра появилась красная конница на нашем пути, в сев.-вост. направлении, а позднее, была замечена конница с запада и юго-запада, т. е. с фланга и тыла. Вскоре затем, красные открыли по нас сильный огонь, пулеметный и артиллерийский, последний, не менее как из 30 орудий. Колонна продолжала движение. Пулеметы и артиллерия по взводно — двигались перекатами, останавливаясь по пути временно на позиции, для отражения противника.

Количество раненых росло. Тяжело раненых несли на руках. Подомною было ранено две лошади. Я пересел на «Форд», но вскоре автомобиль был подбит, шоффер ранен, я же остался невредим.

Перекоп был уже виден, но боя там заметно не было. Продолжая движение пешком, для воодушевления Дроздовцев, я поднялся на небольшой курган, вместе со своим ординарцем Корнетом Уманцевым, державшем в руке дивизион-

ный флаг на пике. Огонь противника продолжался с тою же интенсивностью.

Части Крымскаго Корпуса, занимавшия Перекоп, в силу неизвестных обстоятельств, оставались пассивными. Только когда наши передовыя части приблизились к Перекопу, оттуда появились разъезды дивизиона 9-й Кавалерийской Дивизии. Оказалось, что войска на Перекопе ничего не знали о нашей десантной операции и недоумевали, что за артиллерийская канонада, в течение четырех дней, в тылу у противника.

Днем, Дроздовская Дивизия полностью пробилась, из окружения, на Перекоп, где с восторгом была встречена нашими войсками.

Потери наши — 575 убитых и раненых. В числе раненых находился Командир 2-го Дроздовскаго стр. полка Полковн. Харжевский.

Описанная вкратце десантная операция, поистине, была чрезвычайно трудная и рискованная. Высадка на занятой противником территории, прорыв его расположения, с нанесением ему значительных потерь и соединение со своими войсками. Неизменно двигаясь вперед, при наличии сильнаго противника, не разворачивая боевого порядка полностью, не смотря на — утомление, голод, сильный обстрел и потери, — мы успешно выполнили поставленную нам задачу. Начавшееся решительное наступление красных на Перекоп было парализовано.

Хорловская десантная операция может служить ярким примером высокаго духа, храбрости, выносливости и жертвенности в борьбе за нашу Родину — Великую РОССИЮ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Полагаю, что не лишнее будет напомнить, в самых кратких чертах, некоторые этапы дальнейшаго развития событий в Крыму и в Северной Таврии.

20 Мая 1920 года Генерал Врангель опубликовал нижеследующее Воззвание к русским людям.

ВОЗЗВАНИЕ

Слушайте русские люди, за что мы боремся:

За поруганную Веру и оскорбленныя ея святыни.

За освобождение русскаго народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конец разоривших Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне русские люди, спасти Родину.

Генерал ВРАНГЕЛЬ.

В тот же день им был объявлен следующий Приказ:

ПРИКАЗ

Правителя и Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Юге России

№ 3226.

Севастополь. 20-го Мая 1920 года.

Русская Армия идет освобождать от красной нечести родную землю.

Я призываю на помощь мне русский народ.

Мною подписан закон о волостном земстве и возстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельско-хозяйственнаго пользования, распоряжением самих волостных земств, будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам.

Народу — земля и воля в устроении государства.

Земле — волею народа поставленный Хозяин.

Да благословить нас Бог.

Генерал ВРАНГЕЛЬ

***

25 Мая 1920 г. Армия перешла на всем фронте в наступление.

1 Августа — десантная операция на Кубань.

* * *

6 Августа объявлен Приказ № 3504. В нем говорится:

«Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России впредь именуется — Главнокомандующий Русской Армией, а состоящее при нем Правительство Правительством Юга России». Подписан этот Приказ:

Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской Армией:

Генерал ВРАНГЕЛЬ

* * *

10 Августа — Признание Правительства Юга России, дефакто, Францией.

30 Августа — Присутствие в Севастополе Военных Миссий: Франции, Польши, Америки, Англии, Японии и Сербии.

* * *

Выписка из Оффициальнаго сообщения Штаба Главнокомандующаго Русской Армией № 661 от 20 Октября 1920 года.

«Заключив мир с Польшей и освободив тем свои войска, большевики сосредоточили против нас пять армий, расположив их в трех группах — у Каховки, Никополя и Полог. К началу наступления общая численность их достигала свыше ста тысяч бойцов, из коих четверть состава — кабалерия».

ПРИКАЗ

Правителя Юга России и Главнокомандующаго Русской Армией

Севастополь. 20 Октября 1920 года

Русские люди. Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская Армия ведет неравный бой, защищая последний клочек русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ея крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданскаго ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ея эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет ГОСПОДЬ всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал ВРАНГЕЛЬ

II.

«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПОХОД»

ГАЛЛИПОЛИ

1921 г.

Генерал А. П. КУТЕПОВ

II

«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПОХОД».

Галлиполи. 1921 год.

(Числа по стар. стилю)

В первых числах Декабря 1920 года в Галлиполи серьезно заболел Генерал Кутепов, при чем, по требованию врачей, к нему некоторое время никто не допускался. 8 Декабря я вступил во Вр. командование 1 Армейским Корпусом.

Французский гарнизон в Галлиполи составлял батальон Сенегальцев и кроме того, на рейде стояла канонерская лодка. Во главе гарнизона стоял французский комендант Подполковник Вейлер, котораго в начале Декабря сменил Подполковник Томассен.

Перед прибытием новаго французскаго коменданта, Подполковник Вейлер предупредил меня, что по требованию командира Оккупационнаго Корпуса, находящагося в Константинополе, нам будут предъявлены довольно серьезные требования в смысле стеснения нас, как воинскую организацию.

В Галлиполи прибыл Подполковник Томассен и на следующий день оба французских коменданта, старый и новый, пришли ко мне в Штаб Корпуса с оффициальным визитом. В тот же день я отдал им визит. Во время визитов наш разговор носил общий характер и можно было думать, что Подполконик Вейлер сгущал краски в своем предупреждении. Однако, на следующий день, после отъезда Вейлера, 18 Декабря я получил оффициальное приглашение от французскаго коменданта пожаловать к нему в Управление.

Невольно вспоминаются мне оба французские офицеры, с которыми пришлось вести служебные переговоры в первые же дни после оставления России. Тогда еще нам было совер-

шенно непонятно странное и, с нашей точки зрения, неестественное отношение к нам со стороны нашей союзницы в лице ея офицеров.

Вейлер был средняго роста, блондин, довольно полный и ничем особенно не отличался. Томассен был более типичен. Маленький сухощавый, пожилой, с моноклем в глазу, он носил форму колониальных войск, служба в которых оставила известный отпечаток на нем. Был весьма сух в обращении и, видимо, не только строг, но и жесток с подчиненными.

В назначенный час я отправился в Управление французскаго коменданта, в сопровождении Полковника Комарова, состоявшего при Штабе Корпуса в качестве переводчика.

Подполковник Томассен в кратких словах изложил мне те требования, которыя предъявил командир Оккупационнаго Корпуса к русским войскам в Галлиполи. Эти требования заключались в следующем:

Эвакуированная из Крыма Русская Армия не является больше армией, а лишь беженцами. Генерал Врангель больше не Главнокомандующий, а тоже простой беженец. Также и в Галлиполи, по словам Томассена, никакого армейскаго корпуса нет, нет начальников — все, без исключения, беженцы, которые должны подчиняться только ему, как французскому коменданту. Далее он указал, что последнее, что требуется от меня, это сдать французам все имевшееся у нас оружие и объявить частям об исполнении предъявленных нам требований.

Я выслушал Томассена совершенно спокойно, когда же он окончил свое повествование, то я, хорошо зная взгляд Генерала Кутепова, и, будучи убежден, что найду в его лице, по выздоровлении, полную поддержку, также спокойно сказал Томассену: Русская Армия и после эвакуации осталась армией; Генерал Врангель был и есть наш Главнокомандующий; в Галлиполи расположены не беженцы, а войска, составляющие корпус, во главе этого корпуса, временно, стою я и только мои приказания будут исполняться войсками; на него же я смотрю как на офицера союзной армии и коменданта соседняго гарнизона и, наконец, никакого оружия я ему не сдам.

Получив мой вполне определенный ответ, Томассен, уже взволнованный, сказал, что он примет более суровыя меры к тому, чтобы приказание французскаго командования было

исполнено и, как он выразился: генерал, не исполняющий его требований, не может оставаться здесь, в Галлиполи, а будет доставлен в Константинополь, — другими словами, он грозил меня арестовать.

На это я твердо ответил, что русские войска поступят так, как я им прикажу, встал и вышел вместе с Полковн. Комаровым из Управления французскаго коменданта.

Прийдя в штаб Корпуса, я немедленно отдал все нужные приказания на случай тревоги, а также касающиеся занятия французскаго и греческаго телеграфа. Кроме других мер предосторожности, я отдал приказание командиру нашего броненосца «Георгий Победоносец», стоявшаго на рейде недалеко от французской канонерки, протаранить и потопить ее, когда последует на то особый сигнал с берега, дабы уничтожить радио-станцию на ней и ослабить французския силы.

Мы узнали, что Сенегальцы оплелись проволокой и приняли меры предосторожности, при чем настроение было у них, особенно по ночам, довольно тревожное.

Такое положение продолжалось до нашего Православнаго Рождества. За это время у меня не было никаких сношений с Томассеном. Несомненно , как я, так и он — послали соответствующие донесения в Константинополь, я — Генералу Врангелю, а он — командиру Оккупационнаго Корпуса.

Наступил праздник Рождества Христова. В Галлиполийском греческом Соборе греческий Митрополит Константин, в сослужении с нашим духовенством, совершил торжественное богослужение. После Литургии служили Молебен. Храм был полон молящихся. И вот, во время Молебна, стоя впереди, я услышал движение в церкви и шопот. Это Подполковник Томассен с чинами своего штаба, все в походной парадной форме, при оружии и орденах, протискивались вперед. Они стали сзади меня. Когда я, приложившись к Кресту, отошел в сторону, ко мне подошел Томассен и принес поздравление от лица своего и французкаго гарнизона по случаю нашего праздника.

Этим жестом инцидент был исчерпан. Мы отвергли предъявленный ультиматум, — французы признали нашу силу и решимость.

Факт отказа сдать оружие и дал возможность, как на всем протяжении нашего пребывания в Галлиполи, так и

впоследствии, сохранить нашу воинскую организацию и заставил считаться с нами.

Вскоре прибыл из Константинополя от Главнокомандующаго, командированый мною, Генер.-Майор Георгиевич и привез мне отъ Генерала Врангеля ответ, в котором он не только одобрил мои действия, но и выразил свою благодарность.

Генерал Кутепов как, только ознакомился по своем выздоровлении со всем происшедшим за время его болезни, выразил также полное свое удоволетворение.

***

К лету 1921 года окончательно выяснилось стремление французскаго правительства распылить Галлиполийские войска и тем самым, как тогда казалось французам, уничтожить не только кадры Крымской Армии, но и идею Белой вооруженной борьбы.

С этой целью французами был выпущен ряд «обращений» и «объявлений», убеждавших русския войска выйти из подчинения своим начальникам и отправиться в Советскую Россию, в Бразилию и в иные места. При этом французы не скупились на преувеличения явно циничныя и обманныя. Припоминаю, как Томассен однажды, в разговоре со мною, доказывал, что лучше всего ехать нам в Бразилию и рисовал заманчивыя перспективы, но получив вполне определенный ответ, больше не возобновлял со мной подобных разговоров.

Полуголодный Галлиполийский паек, выдаваемый французским интендантством, был еще более урезан и стал в полном смысле слова — голодным.

К счастью для нас, усилившийся натиск французов совпал с периодом духовнаго возрождения Галлиполийских войск. Принятыми мерами дисциплина и дух войск были подняты на должною высоту, а это обстоятельство давало нашему командованию возможность стойко и непреклонно бороться с разлагающими тенденциями французов.

Все же положение создавалось весьма серьезное. Генерал Кутепов понимал это и в своих доверительных беседах со своим Начальником Штаба Генер.-М. Штейфоном, а также и со мной, как своим заместителем, не скрывал своих опасе-

ний. Командира Корпуса особенно волновал вопрос, что делать, если французы выполнят свою угрозу и прекратят выдачу продовольствия.

Достойный выход был один: уходить из Галлиполи и тем отвергнуть французский план распыления. Такой исход мог быть осуществлен только походным порядком, ибо ни Главное, ни тем более Галлиполийское Командование не располагали тонажем.

После продолжительнаго обсуждения, Командир Корпуса избрал следующий план:

В случае прекращения французами продовольствия войск или предъявления новаго ультиматума о разоружении, Корпус двинется походным порядком из Галлиполи в направлении на Кешан и далее на север, распространяя слух о своем желании перейти в Болгарию, Достигнув параллели Константинополя, повернуть на восток и форсированными маршами занять сперва Чаталджинскую позицию, а затем и Константинополь.

По мнению Генерала Кутепова, занятие Константинополя явилось бы внушительной демонстрацией, способной обратить внимание мира на положение Белой Армии.

В своей идейной части, намеченный план являлся, конечно, типичной авантюрой. Впрочем, разве еще не большей авантюрой являлись переход через Альпы Ганнибала и Суворова? В качестве военнаго предприятия, план имел много шансов на успех. В его основу клались дерзкая смелость и внезапность, что, как известно, всегда способствует победе. Затем, обще-политическая обстановка тоже была благоприятна для нас. Константинополь служил центром сильнейших Европейских страстей. Кемаль, являвшийся фактическим диктатором Турции, только и ожидал благоприятнаго момента, чтобы овладеть Оттоманской столицей.

В свою очередь, Султан, находившийся в почетном плену у союзников, мечтал любой ценой упрочить свою власть.

Греки не скрывали своих исторических вожделений овладеть Царьградом.

Что касается союзников, то в их отношениях, давно, увы, не было ни сердечности, ни согласованности взглядов и действий. К тому же, союзный гарнизон состоял, главным образом, из колониальных войск, как по своей численности, так

и по духу, не мог считаться опасным для таких первоклассных войск, какими был 1-й Армейский Корпус.

Главной и наиболее страшной силой союзников являлся их военный флот, охранявший Константинополь. Однако, Галлиполийское Командование было глубоко убеждено, что союзники никогда не рискнут на действие флотом, так как таковое действие было бы равносильным разгрому города. Допустить же такую крайнюю меру не позволили бы союзные интересы, пропитанные алчностью и соперничеством.

Таким образом, заняв Константинополь, Белые войска имели все основания найти для себя, хотя и временных, но союзников и в то же время не ожидать серьезнаго военнаго сопротивления.

После Великой войны и обнаружившейся общей неудовлетворенности ея результатами, Европа переживала период волевого маразма. На этой психологической предпосылке и строился, главным образом, план похода, ибо Белые войска отлично знали силу моральнаго элемента.

Что касается дальнейшего, после занятия Константинополя, поведения, то оно не предрешалось и становилось в зависимость «от неприятельскаго обращения».

Надуманный план долго сохранялся в полной тайне, ибо успех его зависел, главным образом, от совершенной скрытности подготовки и внезапности действий. Французы имели свою контр-разведку, всячески стремились проникуть во все дела Русскаго Командования и с этим необходимо было считаться.

В план Константинопольскаго похода прежде всего и полнее остальных был посвящен только я, как Заместитель Командира Корпуса. Детальной разработкой плана ведал Генерал Штейфон. Им была произведена тщательная рекогносцировка путей и собран статистический материал, выявляющий возможные условия будущаго похода. Произведены тщательные расчеты и разработана организация движения. Большим достижением Генер. Штейфона являлось то обстоятельство, что путем секретных переговоров с греками, ему удалось заручиться их поддержкой. Греки были юридические, а в глубине полуострова и фактические хозяева положения. Их сочувствие нашему плану имело громадное значение. Как результат этих секретных переговоров, было достигнуто то, что греческая администрация и греческие воен-

ныя власти, по указаниям из центра, должны были оказать полное содействие русским войскам по их выходе из Галлиполи. Обещание греческой помощи было особенно ценно, так как оно сводилось, главным образом, к снабжению от местных жителей проводниками, перевозочными средствами и продовольствием на все время движения.

Дабы подготовить войска к внезапному выступлению и в то же время не вызвать этими мерами подозрительности французов, у нас были введены в программу обучения войск — ночныя тревоги. Эта мера дала прекрасные результаты. Первым было поднято по тревоге Александровское Военное Училище. В смысле быстроты и порядка сбора, оно представилось отлично, но, как и следовало ожидать, в вопросах хозяйственной подготовки обнаружилось много недочетов. Училище, конечно, не подозревало, с какой целью была устроена «тревога». На основании опыта Александровскаго Училища, войскам были даны соответствующие указания и объявлено, что Корпус всегда должен быть готовым выступить походным порядком из Галлиполи. Таковая возможность была мотивирована тем, что отсутствие тонажа может побудить совершить переход в Балканския страны походным порядком. В это время Главнокомандующий вел переговоры о принятии Корпуса Сербией и Болгарией. Об этом знали и наши войска и французы. Объяснение казалось настолько правдоподобным, что всеми было принято, как вполне естественное.

В итоге, после ряда ночных тревог и введенных тоже в программу обучения походных движений, Корпус был вполне готов к выступлению в любой момент.

Первая ночная тревога вызвала среди французов большое волнение. Их малый гарнизон был, как островок, среди русскаго «военнаго моря». Видя, что это только учение, французы успокоились.

Можно было сохранить в полной тайне цель подготовки Корпуса, но самую подготовку, конечно, невозможно было скрыть. Поэтому, естественно, что непонятные действия русскаго командования не могли не привлекать внимание французкаго командования. К тому же, Генерал Кутепов демонстративно подчеркивал, что, в случае прекращения французами довольствия, он поведет свой Корпус в Болгарию походным порядком.

Как уже указывалось, французския угрозы прекратить довольствие являлись лишь средством для осуществления основной цели: уничтожения русской национальной вооруженной силы. Поэтому самовольный уход Корпуса в Болгарию не входил в расчеты французской дипломатии. К тому же, уход под давлением голода, был бы европейским скандалом.

Не стесняясь в мерах самаго грубаго воздействия на русские войска в пределах Галлиполи, Лемноса и иных русских лагерей, французы отнюдь не желали громэдного скандала.

В виду таких соображений, Командир французскаго Оккупационнаго Корпуса на Востоке, решил наглядно убедить русское командование в невозможности самовольнаго ухода походным порядком.

Необходимо объяснить, что наиболее уязвимым местом русскаго плана являлось движение Булаирским перешейком, соединяющим Галлиполийский полуостров с материком. Дорога, проходящая перешейком, настолько близко подходила к морю, что являлось серьезное опасение попасть, в этом месте, под огонь французской судовой артиллерии. Подобное опасение было тем естественнее, что на Галлиполийском рейде, как я указывал выше, всегда находилась дежурная французская канонерка или миноносец. К тому же, в случае нужды, этот миноносец мог быть усилен подходом из Константинополя французских военных кораблей.

Несмотря на все старания выяснить, насколько может быть действителен судовой огонь по Булаирскому перешейку, это нам не удавалось. Однако, французы сами помогли разъяснить этот вопрос. В ответ на наши маневры, они решили произвести свои, при участии сенегальцев и миноносца. Дабы показать, как ими надежно закрыт выход из Галлиполи, на миноносец был приглашен присутствовать на маневрах Генер.-Лейт. Карцов, бывший в роли переводчика при Генерале Кутепове. Получив от последняго указания, Генер. Карцов обратил особое внимание на действительность стрельбы по перешейку и установил совершенно точно, что благодаря топографии местности, снаряды миноносца или перелетали дорогу или попадали в гряду, прикрывающую дорогу с моря. Таким образом, благодаря оплошности французов, нашему Штабу Корпуса удалось узнать чрезвычайно важное сведение. С получением этой данной, работа нашего

Штаба по составлению плана была закончена и, надо признать, вполне успешно.

По завершении плана, Командир Корпуса командировал Начальника Штаба в Константинополь для секретнаго доклада Генералу Врангелю. Главнокомандующий одобрил, как план, так и все сделанное.

Получив санкцию Главнокомандующаго, Генералу Кутепову потребовалось разрешить еще один, весьма важный, вопрос — избрать исполнителей плана.

Сложная операция выхода из Галлиполи представлялась в следующем виде. Внезапным ночным налетом разоружался сенегальский батальон, расположенный за городом по соседству с Сергиевским Артиллерийским Училищем. Подобное задание не представляло никакой сложности для Белых Войск. Разоружение сенегальцев было возложено на авангард, дабы, имея ввиду последующия действия, он мог бы вооружить себя сенегальским оружием. По выполнении своего перваго поручения, авангард должен был, не задерживаясь, двигаться форсированным маршем, дабы возможно скорее захватить Чаталджинскую позицию, прикрывающую Константинополь.

Главныя силы, не останавливаясь в городе, обязаны были двигаться за авангардом, поддерживая последний своими энергичными действиями.

Не менее ответственная задача при выходе из города, возлагалась на арьергард. Он обязан был обезвредить французское командование в Галлиполи, прервать его связь с миноносцем и Константинополем, вывезти все артиллерийские, интендантские и иные потребные нам запасы, не допускать никаких аморальных эксцессов и, в случае подхода из Константинополя морской или иной пехоты, удерживать таковую, чтобы дать время и возможность остальным силам Корпуса безпрепятственно выполнять свое назначение.

Начальником авангарда был назначен Командир Дроздовскаго стр. полка Ген.-Майор Туркул с Дроздовскими частями.

Начальником главных сил — был назначен я. В состав главных сил входили: Пехотная дивизия, Кавалерийская дивизия, все вспомогательные войска, санитарные заведения. При главных силах должны были следовать и семьи.

Начальником арьергарда Командир Корпуса назначил своего Начальника Штаба и Галлиполийскаго Коменданта

Генер.-Майора Штейфона, с подчинением ему всех Военных Училищ.

21 Июля Командир Корпуса пригласил на секретное заседание указанных будущих начальников колонн, а также Начальника Кавалерийской дивизии Генер.-Лейт. Барбовича и Начальника Сергиевскаго Артиллерийскаго Училища Генерал-Майора Казмина. Последний, как ближайший сосед сенегальцев, обязан был способствовать авангарду при разоружении, а затем, поступить в подчинение Начальника арьергарда.

Командир Корпуса объявил собравшимся обстановку, принятый им план и распределение частей и обязанностей. Начальникам колонн и Генер.-Майору Казмину было приказано, во исполнение основного плана, продолжать разведку и подготовку в пределах своих будущих задач.

***

К концу лета 1921 года переговоры Главнаго Командования о принятии частей Русской Армии Правительствами Болгарии и Сербии увенчались успехом и, до самаго разъезда частей из Галлиполии — французское командование продолжало выдавать скудный паек.

Поход на Константинополь отпал. Было ли это к лучшему или к худшему — судить нам не дано, но думается, что весь план похода и его подготовка были настолько продуманы и разработаны, а кроме того, дух войск, сплоченность их, жертвенность и, наконец, решимость — стояли настолько высоко, что в успехе похода сомневаться было трудно.

III.

ПРЕБЫВАНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В БОЛГАРИИ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

в 1922—23 г.

Генерал-Лейтенант В. К. ВИТКОВСКИЙ
(1921 г)

Корпуса, г. Велико-Тырново. (2 Апреля ст. ст. 1922 года).

С лева на право, сидят: Ген.-М. Ерогин. Ген.-М. Ползиков. Ген.-М. Фок. Ген.-Л. Витковский. Генер. Кутепов. Ген.-М Штейфон. Ген.-Л. Репьев. Ген.-М. Баркалов. Ген -М. Икишев и Буров. *Стоят:* Полк. Сорокин. Ген.-М. Казмин. Полк. Грибовский Ген.-М. Зинкевич. Ген.-М. Пешня. Ген.-М. Борисевич. Полк. Сухарев. Ген.-М. Скоблин. Ген.-М. Туркул. Полк. Христофоров. Полк. Бредов. Кап. Дончиков. Д-р Трейман. Ген.-М. Градов и Эрдман. Кап. Мащенко.

III. ПРЕБЫВАНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В БОЛГАРИИ

и коммунистическое движение в 1922—1923 г. г.

(числа по нов. стилю)

После оставления Крыма, в Ноябре 1920 года, Русская Армия была расположена — в Галлиполи, на Лемносе, в Чаталдже и в других, более мелких, лагерях Константинопольскаго района.

Главнокомандующим, Генералом Бароном П. Н. Врангелем, было достигнуто соглашение с Французским Правительством, по которому, Франция приняла под свое покровительство русских, эвакуированных из Крыма и, в обезпечение своих расходов, получила в залог наш военный и торговый флот.

Вскоре, (с Декабря мес.) начались всевозможные затруднения и трения с французскими властями, которые хотели как можно скорее распылить Армию и разселить людей на постоянное жительство в разные страны, включая и возвращение в СССР.

Генерал Врангель решил обратиться к славянским странам, к Болгарии и Сербии, чтобы разселить там нашу Армию. В это время там существовали наши Русские Посольства. В Болгарии Посланником был А. М. Петряев. В Софии было Управление нашего Военнаго Представителя. Представителями были, сперва Ген. Шт. Генер.-М. Романовский, а затем Ген. Шт. Генер.-Л. Вязмитинов. Задача была весьма трудная, ибо много было препятствий, как политическаго так и финансового характера. В составлении Договора с Болгарским Правительством, с нашей стороны, принял участие и Начальник Штаба Главнокомандующаго Генерал П. Н. Шатилов.

Ниже приводится текст документа, подписаннаго в 1921 году.

«Выписка из Договора о приеме Русских войск в Болгарию».

РАЗДЕЛ 1. Прием, распределение и размещение.

А. ПРИЕМ. Болгарское Правительство изъявляет согласие на прием: 1) не отдельных людей, но только вполне организованных частей, имеющих полною воинскую организацию, с командным составом по назначению Главнокомандующаго Русской Армией. 2) при обязательном условии, что части назначаются исключительно по выбору и указанию Главнокомандующаго Русской Армией. 3) При ручательстве Главного командования Русской Армии, что части эти вполне дисциплинированы и что, во время пребывания их на Болгарской территории, добропорядочность их поведения и полная внутренняя дисциплина будут поддерживаться русским командным составом, для чего ему, последнему, предоставляется право осуществлять необходимые дисциплинарные меры.

Б. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ. 4) Прибывающие части направляются на порты Бургас или Варну по указанию Штаба Болгарской Армии, в зависимости от пунктов размещения предназначенных стоянок, по соглашению Штаба Болгарской Армии с Военным Представителем Главнокомандующаго Русской Армии в Болгарии. 5) В указанных портах распоряжением Штаба Болгарской Армии подготовляются приемно-питательные пункты для размещения и довольствия прибывающих частей впредь до отправления их по пунктам размещения. Вся распорядительная часть возлагается в этих пунктах на особо назначенных Штабом Болгарской Армии лиц. Для облегчения связи и сношения с прибывающими частями от Русскаго Военнаго Представителя в этих пунктах назначаются на время пребывания частей особые уполномоченные. 6) Необходимые карантинно-дезенфикционные меры упрощаются до возможнаго минимума при засвидетельствовании судовым врачем санитарнаго благополучия в пути.

В. РАЗМЕЩЕНИЕ. 7) По выполнении всех формальностей приема в порту, части по возможности без замедления, обезпечиваясь довольствием по расчету на все время пути — плюс однодневный запас, направляются распоряжением Штаба Болгарской Армии в указанные им пункты стоянок, каковыми предположительно намечаются: а) Орхание, б) Ловечь, в) Севлиево, г) Никополь, д) Новая Загора, е) Тырново-Сеймен, ж) Казанлык, з) Карлово, и) Кызыл-Агач, к) Бер-

ковица и л) Эски-Джумая. 8) В указанных пунктах распоряжением Штаба Болгарской Армии назначаются особые приемщики-квартирьеры офицеры, которые указывают командирам прибывающих русских частей предназначенные для них помещения и сдают им таковые по заранее приготовленным описям, с необходимым казарменным инвентарем. 9) Русские части размещаются в указанных казармах с уплотнением намеченной для мирнаго времени нормы не менее 25%, например: Орхание мирное время — 4 роты, на 500 человек — размещается не менее 625 человек. 10) Для обезпечения немедленнаго довольствия частей по прибытии их в указанные места, там должно быть подготовлено распоряжением Штаба Болгарской Армии соответствующее количество хлеба и провианта, а равно обезпечена возможность приготовления горячей пищи и кипятку на прибывающих людей. 11) Русским частям предоставляется право пользоваться в пунктах их расположения банями на общих основаниях с чинами Болгарской Армии. Очередь устанавливается Начальником Гарнизона.

РАЗДЕЛ 2. Довольствие.

12) До прибытия и размещения по пунктам стоянок а равно и первые несколько дней по прибытии, части обезпечиваются, где это возможно, горячей пищей и кипятком, распоряжением Штаба Болгарской Армии, а где невозможно, сразу становятся на собственное артельное довольствие. 13) Довольствие производится по обыкновенным кормовым окладам и по нормам продовольственнаго пайка, установленнаго для Болгарских войск. Эти нормы пайка и кормовых окладов сообщаются Штабом Болгарской Армии Русскому Военному Представителю для объявления частям отряда и к руководству. 14) Довольствие части ведут собственным попечением, получая авансы в месячном размере и производя закупки провианта. 15) Ввиду возможности недостатка у прибывающих частей котлов, ведер, черпаков, вилок и других подобных принадлежностей для приготовления и раздачи пищи — Штаб Болгарской Армии, в пределах возможности, снабжает части названным имуществом во временное пользование, выдавая таковые по описям и по просьбам командиров частей. 16) Для выдачи людям на руки денег на личные расходы, (табак, мойка белья и пр. мелкие расходы)

распоряжением Штаба Болгарской Армии отпускается ежемесячно, в начале каждаго месяца, по письменным требованиям командиров частей о числе состоящих в части людей, аванс в размере 100 лева в месяц на каждаго, состоящаго в списках части чина. 17) Вся денежная отчетность частей производится приказами по частям и контролируется на общих основаниях поверочными комиссиями и Представителем Государственнаго Русскаго Контроля. 18) Все расчеты с Болгарскими довольствующими учреждениями производятся по соглашению Штаба Болгарской Армии с Русским Военным Представителем, на основании письменных документов и приказов по частям. 18) Всякого рода могущие быть недоразумения по вопросам довольствия или пожелания, не имеющия основных положений, разрешаются соглашением Начальника Штаба Болгарской Армии и Военнаго Представителя Русской Армии с дополнительным объявлением таковаго болгарским и русским чинам.

РАЗДЕЛ 3. Применение к работам.

20) Русские части принимаются на территорию Болгарии на содержание, за счет русских средств согласно вышеуказаннаго основного договора о порядке оплаты расходов, — могут быть привлекаемы Болгарским Правительством в порядке особых частных соглашений с Военным Представителем Русской Армии, на неопасные для жизни и здоровья людей правительственные работы, с оплатой труда по средней рыночной рабочей цене, с выдачей одной половины заработной платы работающим и с зачислением другой половины заработной платы в основной фонд на содержание людей. 21) Болгарское Правительство считает допустимым на указанных в п. 20 основаниях участие частей и отдельных команд на работах у населения в пределах районов стоянок частей, по обоюдному соглашению работодателя и командира части, с письменнаго разрешения Русскаго Военнаго Представителя. 22) В случае общественных бедствий (пожары, обвалы, наводнения) русские части на общегуманитарных началах принимают участие в оказании помощи населению по первому зову Болгарских военных властей безвозмездно.

Примечание: Русские части не могут принимать никакого участия во внутренних делах страны или в ея внешних не-

доразумлениях, равно как и не могут быть привлекаемы в таких случаях кем бы то ни было.

***

Только осенью 1921 года, т. е. почти через год после оставления нами Крыма, части Армии стали покидать лагери — Галлиполи, Лемноса, Чаталджи — и переселяться в Болгарию и Сербию. Перевозка закончилась в Январе 1922 года.

В Болгарию прибыли: 1 Армейский Корпус, под начальством Генерала А. П. Кутепова и Донской Корпус, под начальством Генер.-Лейт. Ф. Ф. Абрамова. Из состава этих Корпусов, из 1 Армейскаго — Кавалерийская дивизия и из Донского Корпуса — Кубанская дивизия — были направлены в Сербию.

Расположение в Болгарии было следующее:

Штаб 1 Армейскаго Корпуса — г. Велико-Тырново. Штаб 1 п. Дивизии — г. Свищов. Штаб Донского Корпуса — г. Старая Загора. Части корпусов были расположены по городам, в казармах, причем — 1 Корпуса преимущественно в северной Болгарии, а Донского — в южной.

***

Необходимо указать, что со времени оставления нами Крыма, Советская власть неизменно принимала все меры к тому, чтобы ухудшить положение нашей Армии, внести разложение в воинскую среду и добиться возвращения в СССР возможно большего числа ея чинов.

Не достигнув желаемых результатов, во время пребывания Армии в Галлиполи и на Лемносе, большевики обратили особое внимание на Болгарию, куда прибыла наибольшая часть Русской Армии и где они считали более подходящими условия возможности воздействовать на Болгарское Правительство, развить коммунистическую пропаганду в стране и вместе с тем добиваться разложения частей Русской Армии.

Для достижения своих гнусных целей большевики не стеснялись в деньгах и применении, обычных для них, средств — обмана, клеветы, подкупа и т. п.

Уже через несколько месяцев нашего пребывания в Болгарии, с весны 1922 г., стали сказываться результаты большевистской работы, — начались всякаго рода недоразумения, осложнения и придирки со стороны болгарских властей. Я

постараюсь по возможности, в хронологическом порядке, отметить то, что нам пришлось испытывать и переживать под все усиливающимся влиянием большевистской деятельности.

На 2 Апреля в Штабе Корпуса (В.-Тырново) Генерал Кутепов назначил съезд старших начальников. Предварительно, некоторые из них прибыли ко мне в Свищов и мы вместе выехали в Тырново. Со мною были: Генер.-Майоры Фок, Буров, Зинкевич, Ползиков, Баркалов, Пешня, Скоблин, Туркул, Бредов и Полк. Христофоров. На разсвете 2 Апреля, когда поезд наш приближался к ст. Павлекени, произошло крушение поезда, вследствие того, что были развинчены рельсы. Дело это было рук коммунистов, узнавших о поездке русских начальствующих лиц. К счастью, никто из нас не пострадал.

В течение Апреля мне, как Заместителю Генерала Кутепова, пришлось быть в Тырново еще два раза, вследствие все осложнявшейся для нас обстановки.

В первых числах Мая в Софии был произведен обыск у Полковн. Самохвалова, состоявшаго в Управлении нашего Военнаго Представителя и затем последовал его арест. При этом обращение с ним было возмутительное и он подвергался даже побоям.

12 Мая Генерал Кутепов был вызван Болгарскими властями в Софию. Прибыв в Военное Министерство, к Начальнику Штаба Болгарской Армии Ген. Штаба Полковн. Тополджикову*), Генерал Кутепов оказался арестованным. 14 Мая туда же был вызван Генерал Шатилов, также там арестованный.

15 Мая я прибыл в Штаб 1 Армейскаго Корпуса (В.-Тырново) и вступил в Вр. Командование Корпусом.

16 Мая Генералы Кутепов, Шатилов и наш Военный Представитель Генер.-Лейт. Вязмитинов были высланы из Болгарии. Военным Представителем был назначен Военно-судебнаго ведомства Генер.-Лейт. И. А. Ронжин.

15 Мая Болгары оцепили расположение Корниловскаго полка в Горно-Паничерево произведя обыск. 16-го они произвели обыск в Аптечном Складе в Тырново и в Корпусном Лазарете в Арбанасе.

---

*) Окончил в России Академию Генералнаго Штаба.

Со всех концов Болгарии стали поступать донесения о всевозможных трениях, обысках и арестах. Затем последовало распоряжение Болгарских властей о воспрещении чинам Русской Армии проезда по ж. д. без особаго на то разрешения властей.

19 Июня было получено распоряжение Генерала Врангеля о принятии мер к постановке чинов нашей Армии на частные работы, в виду материальных затруднений командования.

23 Июня заболел Н-к Штаба Корпуса Ген. Шт. Генер.-Майор Штейфон и был отправлен в Госпиталь на Шипку. Вр. И. Д. Н-ка Штаба я назначил Ген. Шт. Генер.-Майора Бредова, который прибыл из Свищова 26 Июня.

3 Июля был произведен обыск в Горн.-Джумая в Корниловском Военном Училище и затем были арестованы и высланы из Болгарии — Н-к Училища Ген. Шт. Генер.-Майор Георгиевич со старшими чинами Училища, в числе 7 человек.

4 Июля я выезжал в Софию, где совместно с Генералом Е. К. Миллером, командированным туда Генералом Врангелем, нашим Посланником А. М. Петряевым и Генералом Ронжиным нами принимались меры к прекращению творившагося произвола и насилий. К сожалению, наши усилия не имели успеха.

6 Июля обыск в г. Белоградчике, в Марковском полку, арест и высылка Командира полка Генер.-Майора Пешня с 12-тью старшими офицерами. По донесению вступившаго во Вр. Командование полковн. Емельянова — население г. Белоградчика отнеслось очень сочувственно к нам, пыталось даже протестовать, а провожая наших арестованных на вокзале — бросало им цветы.

16 Июля в Тырново Болгарские жандармы напали на группу юнкеров Сергиевскаго Артил. Училища. В результате нападения — юнкер Лабода был убит и 4 юнкера было ранено.

В таких тяжелых условиях приходилось проводить устройство наших чинов на частные работы. Чины Корпуса устраивались, главным образом, на тяжелые работы, преимущественно на шахты, наибольшая из которых была угольная шахта «Мина Перник» к югу отъ Софии.

Нельзя не отметить, что дисциплина и поведение наших воинских чинов оставалось на высоте. Связь со всеми частями Корпуса поддерживалась, не смотря на трудности, всевозможными средствами. Для сохранения организационных начал и связи повсеместно образовывались партии отдельных войсковых частей и группы Корпуса, со старшими партий и начальниками групп, по назначению.

Отношение к нам болгарскаго населения, в массе, оставалось все время хорошее и только власти, на местах, исполняя распоряженния свыше, создавали чрезвычайно тяжелое для нас положение.

Большевикам удалось очень быстро подкупить власть имущих, во главе с Премьер Министром Стамболийским, доказательства чего были обнаружены и подтверждены последующим Болгарским Правительством, сменившим коммунистов 12 Июня 1923 года.

Произвол и насилия продолжались и увеличивались. 24 Августа было получено донесение от Корниловскаго полка (Горно-Паничерево) и от Техническаго батальона (Шумен) — о требовании снять форму. 31 Августа в Новой-Загоре были избиты 9 молодых офицеров Николаевскаго Инженернаго училища. В начале Сентября были случаи задержания выдачи корреспонденции адресованной Штабу Корпуса.

2 Сентября в В.-Тырново был арестован Инспектор классов Сергиевкаго Артиллер. Училища Полковник Безак с несколькими офицерами, без предъявления какого либо обвинения и всѣ были отправлены в Варну.

6 Сентября днем, когда я находился в Штабе Корпуса, расположенном в болгарских казармах в В.-Тырново, внезапно явился вооруженный отряд болгарской полиции арестовал меня и всех чинов Штаба и опечатал помещение Штаба.

7 и 8 Сентября я находился, под домашним арестом, у себя на квартире, где у меня был произведен обыск, причем, были взяты все находившиеся у меня бумаги и сложены в один общий пакет. 9-го я был переведен под стражей в жандармерию, а с вечерним поездом меня и чинов Штаба, в числе 45, отправили в Софию. Ко мне был приставлен болгарский офицер Подпоручик Балабанский.

В Софию мы прибыли 10 Сентября утром. С вокзала, по указанию болгарскаго офицера, вместе с ним я отправился в

Военное Министерство. У Подпоручика Балабанскаго был с собой опечатанный пакет взятых у меня бумаг. По прибытии в Воен. Министерство пришлось некоторое время ждать, а затем меня провели к Начальнику Штаба Болгарской Армии Генр. Штаба Полковнику Тополджикову, причем я сразу обратил внимание на то, что на письменном столе последняго находился пакет с моими бумагами уже распечатанный. Встретил меня Полк. Тополджиков довольно сухо и затем, перебирая мои бумаги задал мне вопрос: «Что это опять у вас?» на что я ответил, что не у нас, а у них происходит что то совершенно непонятное и высказал свое возмущение действиями болгарских властей. Полк. Тополджиков сказал мне, что имеются документы, доказывающие наше участие во внутренних делах Болгарии и при этом показал мне две бумаги, из числа взятых у меня при обыске. На одной была подпись Генер. Шатилова и печать Штаба Главнокомандующаго, на другой подпись Генер-Майора Бредова и на них значилась моя пометка в виде буквы В. Прочитав содержание этих бумаг, совершенно безсмысленных с нашей точки зрения и увидя скверно подделанное мое В, я сразу понял, что это были фальшивыя бумаги с подделанными подписями и печатью, подсунутыя во взятыя у меня при обыске бумаги. Я сейчас же, с возмущением, сказал об этом Полк. Тополджикову. После некоторых дополнительных объяснений между нами, Полк. Тополджиков стал несколько сдавать свои позиции, я же настаивал на производстве разследования по этому делу. Затем мне было сказано, что все мы, прибывшие из В.-Тырново, освобождаемся, но на условиях оставаться в Софии, без права выезда, впредъ до особаго распоряжения.

Будучи на свободе, я в тот же день, посетил нашего Посланника Петряева и Генералов Миллера и Ронжина. Решено было действовать.

11 Сент. я был у Главн. Секретаря Министерства Внутренних Дел Коссовскаго, котораго поставил в известность о происшедшем. Затем посетил Полк. Тополджикова и Секретаря Премьер-Министра Кисинова.

12 Сент. я подал оффициальное заявление Министру Правосудия о производстве расследования. В тот же день я, вместе с Генер. Ронжиным, был вызван в Военное Министерство, где Полковн. Тополджиков объявил нам что Высший

Административный Совет решил выслать из Болгарии меня и некоторых старших чинов Штаба Корпуса, но время высылки не было указано.

Днем, когда я находился в ресторане «Шишман», куда был приглашен Председателем Всеросс. Земскаго Союза В. С. Хрипуновым приехавшим из Парижа, мне было подано письмо от Щеглова, офицера исключеннаго из Армии по суду, с просьбой принять его по весьма важному делу. Щеглов ожидал моего ответа при входе в ресторан. Я вышел к нему, но не находя возможным вести с ним разговор в такой обстановке, назначил ему свидание у себя в гостинице в 7 час. вечера. В назначенное время Щеглов прибыл. На мой вопрос, какое же у него важное дело, Щеглов ответил, что он уполномочен Советской властью предложитъ мне, как Командующему в настоящее время 1 Армейским Корпусом, перейти со всем Корпусом к ним, при чем Советская власть гарантирует оставление в неприкосновенности всей организации и состава Корпуса, во главе со мною и всеми начальствующими лицами. Подобная наглость, естественно, вызвала желание выгнать этого предателя, ибо в наших условиях большего сделать было нельзя. Но тут же у меня явилась мысль, попробовать добыть от Щеглова некоторые сведения, могущие быть нам полезными. Я стал задавать ему вопросы. Прежде всего — как Советская власть может распоряжаться в чужой стране, в Болгарии? на что Щеглов ответил: Болгарское Правительство у нас в руках. Затем он признался, что это Советская организация в Болгарии сфабриковала все фальшивые документы и потребовала нашего ареста. Учитывая важность этих признаний, в особенности, если бы их мог услышать представитель Болгарскаго Правительства, я сказал Щеглову, что сразу не могу дать ему ответа на сделанное предложение и просил его прибыть ко мне на следующий день, т. е. 14 Сент. в 6 ч. веч. на что он, видимо с радостью, согласился.

План мой был следующий: С утра 14-го повидать Полк. Техолджикова, разсказать ему разговор со Щегловым и постараться затем оффициально зафиксировать признания Щеглова. Для этой цели снять соседний номер гостиницы в котором, ко времени прихода ко мне Щеглова, должны будут находиться два офицера, от нас и от болгар, которые, слыша весь мой разговор со Щегловым, через приоткрытую задра-

пированную дверь между номерами, должны будут записать и подписать слышанное, что и явится документом свидетельствующим признания Щеглова — что Болгарское Правительство в руках Советской власти и что все, так называемые, документы, яко бы найденные у нас, поддельные.

14 Сент. утром я отправился в Военное Министерство к Полк. Тополджикову чтобы приступить к выполнению намеченнаго плана. Полк. Тополджиков выразил большое удивление по поводу признания Щеглова, но после некотораго колебания все же согласился с моим предложением, назначив от себя Генер. Шт. Полк. Радева (Русской Академии Генер. Штаба), я же назначил Генер. Шт. Полк. Зайцова.

К 6-ти час. вечера Полк. Зайцов уже находился в соседнем номере, ожидая Полк. Радева. В 6 час. прибыл ко мне Щеглов, а Радев так и не явился. Полк. Тополджиков обманул меня, видимо не в интересах Болгарскаго Правительства были признания большевистскаго агента.

Мой план не удался, а следовательно терялась и цель разговора со Щегловым. Я перешел в наступление, высказал ему свое глубокое возмущение его изменой и предательством, посоветовал ему раскаяться в своих преступлениях, на чем и закончились эти чрезвычайно неприятные переговоры.

Последующие дни проходили в хлопотах о прекращении гонений, возможности вернуться в В.-Тырново, о возвращении нам опечатаннаго имущества и т. д.

Одновременно, нужно было хлопотать и об улучшении тяжелаго положения наших чинов работавших на Мине Перник, в особенности в отношении жилищных условий.

Желая осуществить давно задуманную поездку на Мину Перник, с целью ознакомления с условиями быта и нужд наших рабочих, 27 Сент. утром я, с уполномоченным Кр. Креста Л. Е. Фельдман, отправился на автомобиле на Перник, куда и прибыл в 10½ часов. Дабы избежать излишней огласки и, считая свою поездку неоффициальной, я не посетил дирекцию рудника, а прямо направился к Питательному Пункту Кр. Креста, куда и вызвал Начальника Группы Корпуса Полк. Дядюру. Решив на месте вопрос о расширении Пит. Пункта и устройства при нем амбулатории, я, в сопровождении Полк. Дядюры, обошел некоторые рудники и осмотрел бараки где помещались наши рабочие. При обходе по-

мещений я беседовал с нашими, распрашивал их о нуждах и отвечал на их вопросы. Около 15 час. я прибыл в комнату Полков. Дядюры, жившаго в здании Кметства (Общинское Управление). Туда же стали приходить Старшие Партий частей Корпуса. Я ознакомил их с текущими новостями, организацией починочной мастерской, чайной, читальной и амбулатории на Пернике, а также с распределением белья и обмундирования, которым я располагал. При этом, передо мною на столе лежала памятная записка и листки с разными справками. Когда наша беседа приходила к концу, внезапно вошли Кмет (Староста) и рабочий, видимо коммунист ибо в петлице у него была красная звезда. Кмет в резкой форме спросил, что у нас за собрание? Я ответил, что воспользовался случаем, прибыв из Софии, побеседовать со своими соотечественниками. Кмет схватил лежавшие передо мною записки и, сочтя их за какие то «документы», объявил, что он всех нас арестовывает за устройство неразрешеннаго собрания, после чего вышел, приставив к дверям одного из служащих Кметства.

Считая обвинение Кмета неправильным, самый арест самочинным и нежелая подчиниться произволу, я вышел из помещения, не обращая внимания на караульнаго и направился к Питательному Пункту Кр. Креста. Там в $16^{1/2}$ час. мы должны были встретиться с Фельдманом, чтобы вернуться в Софию. Однако, в назначенное время Фельдман не прибыл и я остался поджидать его. Минут через 10 подошли болгары, вместе с коммунистом с красной звездой сопровождавшим Кмета, которые вновь объявили меня арестованным и в грубой форме потребовали моего возвращения в Кметсво. Кроме меня арестованы были: Полк. Дядюра, Генер.-Майор Мельницкий, Полковники Солонина, Михайлов, Ершевский и Ульянов, Капитаны Уранов, Немудрый, Боанэ и Кречетов. Здесь были уже вооруженные стражники и к дверям был приставлен часовой. Коммунист, с красной звездой, по фамилии Миленов, приступил к грубому личному обыску и отобрал у нас находившиеся при нас бумаги.

Через некоторое время появился Кондуктор Рафалович с полицейским Приставом. Рафалович принес мне от имени Дирекции извинение за происшедшее и отправился в Кметство для присутствия при осмотре отобранной переписки и документов. Затем туда провели и меня. При переводе Ра-

фаловичем отобранных у меня бумаг у болгар коммунистов, во главе которых находился Миленов, возникло подозрение в неправельности перевода, вследствие непонимания ими значения слова организация, в применение его к Земскому Союзу и Кр. Кресту. Рафалович был взят под подозрение и перевод бумаг был поручен другому лицу.

Ввиду прибытия к этому времени на Перник в Дирекцию Агента Общественной Безопасности, меня под конвоем, в сопровождении Пристава и Рафаловича повели в Дирекцию. По пути я видел, в стороне от дороги, значительную толпу рабочих. Это происходил митинг коммунистов.

В Дирекции разговор, в присутствии чинов администрации и прибывшаго Агента Общественной Безопасности, сперва носил мирный характер и убедившись, после просмотра отобранной переписки, в совершенно невинном ея характере, чины полиции были склонны признать все происшедшее недоразумением. Однако, тем временем, под влиянием принятых на митинге решений, значительная толпа болгарских рабочих, в сильно возбужденном состоянии с угрожающими выкриками, подошла к Дирекции и частью вломилась в ея помещение. Вмешательство толпы резко изменило мирный характер улажения инцидента и как полиция так и дирекция, опасаясь тысячной толпы, решила продолжить наш арест до утра следущаго дня, когда было решено отправить всех арестованных в Софию. Настроение толпы все более повышалось и к требованиям ареста присоединились требования «народнаго суда» надо мною, с угрозами Дирекции и требование ареста и Рафаловича. Последнее было сейчас же удовлетворено.

Вскоре, не смотря на возбужденное состояние толпы, Пристав распорядился отвести меня и Рафаловича, под конвоем 4-х стражников, обратно в Кметство, где оставались остальные арестованные. При возвращении в Кметство сквозь враждебную толпу более тысячи болгарских рабочих, распропагандированных коммунистами, мне пришлось подвергнуться оскорблениям, в виде брани, плевков и пинков, не перешедших лишь случайно и благодаря вооруженнаго конвоя в настоящее избиение. В Кметстве все мы арестованные провели ночь на голом полу.

За ночь, по требованию коммунистов, отправка нас была отложенна до полудня, дабы последние могли проверить отправку арестованных под конвоем в Софию.

Около полудня 28 Сент. у Кметства снова собралась толпа болгарских рабочих. Вдали виднелась небольшая группа наших рабочих. Все арестованные под конвоем были отведены на станцию жел. дороги, где пришлось около часа ожидать поезда. Тем временем вокруг нас стала собираться толпа коммунистов, оттеснившая группу наших рабочих.

По прибытии поезда нас погрузили на открытую угольную площадку, под вызывающие крики и угрозы болгарской толпы, из которой некоторые даже вскочили на буфера площадки угрожая расправой. В это время наши рабочие, в числе около 100 человек стали приближаться к поезду. Видя это, коммунисты ринулись в сторону наших рабочих и напали на них. Этой минутой воспользовались и поезд был отправлен, под гром ругательств коммунистов и крики «ура» наших, спасших таким образом нас от озверевшей толпы. Из числа наших рабочих пострадало 9 человек, получивших увечия.

По прибытии в Софию все арестованные со мною были под конвоем, пешком, отведены в Управление Околийскаго Начальника на улице Позитано, где нас заперли в арестном помещении. Примерно часа через два нас под конвоем пешим порядком, через весь город, повели в Министерство Внутренних Дел, в Управление Общественной Безопасности. Здесь я увидел Начальника Административно-Полицейскаго Отделения г-на Стоянова, который после просмотра привезенных с нами отобранных у нас бумаг, согласился отпустить меня и остальных арестованных, под мое поручительство, с обязательством являться по первому его требованию.

30 Сентября мне сообщили, что Высший Административный Совет постановил выслать меня из пределов Болгарии.

Я тотчас же приступил к энергичным хлопотам об отмене этого постановления. Я говорил, в отдельности, почти со всеми членами Высшего Административнаго Совета, причем мой разговор сводился к следующему: Каждому должно быть понятно, что после всего пережитого здесь в Болгарии и особенно последние дни в Пернике, можно только радоваться случаю покинуть эту страну, но у меня прежде всего есть чувство долга перед моими соратниками. И вот, это чувство долга, несмотря на все перенесенные оскорбления, заставляет меня все же просить об оставлении меня в Болгарии. Я указывал, что путь уступок коммунистам, на который

встала болгарская власть, кончится очень печально и ссылался на пример «Керенщины».

Конечно наш Посланник и Военный Представитель также принимали все возможные меры к отмене высылки начальствующих лиц и прекращению враждебных действий против нас, создававшихся под влиянием коммунистов. Насколько это влияние было велико и какими провокационными методами действовали коммунисты, — может служить газетная статья*).

Прошло еще несколько дней в хлопотах и ожидании. 10 Октября, около полудня, когда я находился в Управлении Военнаго Представителя на Регентской улице, туда прибыл агент сыскной полиции и предъявил мне требование Помощника Софийскаго Градоначальника Трифонова в тот же день покинуть пределы Болгарии, угрожая в противном случае арестом. В сопровождении Поруч. Кордуньяна и полицейскаго агента, который меня уже не оставлял, я сейчас же отправился в наше Посольство, чтобы поставить в известность Посланника и просить о срочном получении визы в Сербию. После этого, мы втроем, прибыли в Градоначальство, где Трифонов подтвердил требование выехать в тот же день с поездом отходящим в 15 часов в направлении пограничной станции Драгоман. Дальнейшее сопротивление было уже невозможно.

Времени оставалось очень мало. Проезжая по пути к вокзалу мимо гостиницы мне удалось распорядиться о своих вещах. Поезд опаздывал, что дало возможность Ун.-оф. Козлову успеть прибыть с вещами на вокзал. Около 16 час. поезд отошел. полицейский агент продолжал следовать со мной. На ст. Драгоман пришлось пробыть два дня, в ожидании паспорта и визы. 12 Окт. был доставлен мой паспорт с въездной сербской визой и с вечерним поездом я покинул пределы Болгарии.

После соблюдения обычных формальностей на соседней сербской пограничной ст. Цареброд поезд отбыл в Белград, куда я прибыл утром 13 Октября.

После моего подробнаго доклада Генералу Врангелю о положении в Болгарии и последних событиях, Генер. Врангель

---

*) См. Приложение № 1. Статья, в выдержках, болгарской газеты коммунистичекаго толка от 29 Сентября 1922 года, в переводе.

поручил Проф. А. А. Башмакову составить соответствующую книгу, издать ее на французском языке и затем использовать в дипломатических сферах, дабы наглядно показать вредную и опасную работу коммунистов. Проф. Башмакову я передал много материала, собраннаго мною и имел с ним продолжительные беседы. Книга была издана под заглавием: Memoire sur le Mouvement Communiste en Bulgarie, durant années 1922-23. А, А. В. 1923.

Нельзя не упомянуть о том хорошем впечатлении, которое произвело на меня отношение к нашей Армии со стороны Короля Александра, Его Правительства и Сербскаго Народа. Это хорошее, братское, отнощение к нам неизменно проявлялось во всех областях жизни.

Из Болгарии продолжали поступать донесения о работе коммунистических деятелей, но сплоченность и дисциплина помогали нам и в этом трудном положении. Все, могущие работать, прилагали усилия, чтобы встать на работы, хотя бы и тяжелые и тем самым облегчить материальное положение нашего командования.

Генерал Врангель со своим Штабом продолжал напряженную работу по сохранению нашей воинской организации и облегчению тяжелаго положения ея чинов.

11 Июня 1923 г. пришло сообщение, что в Болгарии, в ночь с 8 на 9 произошел переворот. Арестованы все министры, во главе со Стамболийским и образовано новое, анти-коммунистическое Правительство.

Вскоре из Болгарии получены были известия, что в стране спокойно и жизнь начинает принимать нормальный характер. Положение наших стало улучшаться.

Главнокомандующий приступил к хлопотам о возможности возвращения высланных из Болгарии начальствующих лиц и в конце Июня было получено соответствующее разрешение. В Июле уже началось возвращение начальников к своим частям.

Генерал Кутепов, вскоре по прибытии в Сербию, был назначен в распоряжение Великаго Князя Николая Николаевича и уже не числился Командиром 1 Арм. Корпуса.

По приказанию Генерала Врангеля я выехал в Болгарию 26 Июля и прибыл в Софию 27-го, где и обосновал Штаб Корпуса.

Начали налаживаться отношения с новой болгарской властью. Я был принят Министром Внутренних Дел Генер. Русевым, оказавшим мне весьма любезный прием. Затем, в том же Министерстве я давал показания о действиях прежняго правительства в отношении нас русских.

Несомненно, что упорная коммунистическая пропаганда оказывала свое вредное влияние на болгар, ибо с середины Сентября начали вспыхивать в разных местах Болгарии возстании коммунистов и новому Правительству пришлось принимать энергичные меры к их ликвидации. В Софии был введен полицейский час — 20 ч. после котораго, до утра, движение по городу прекращалось. Пришлось и нам принять меры предосторожности и отдать распоряжение на случай возстания коммунистов. В конце Сентября в стране было объявлено военное положение, введены военно-полевые суды, объявлен призыв запасных и прекращен прием частных телеграмм. Быстрыя и решительныя меры со стороны Правительства способствовали возстановлению порядка в стране*).

В связи с материальными затруднениями нашего командования, необходимо было ускорить постановку на работы всех трудоспособных, включая и начальствующих лиц.

По распоряжению Генерала Врангеля, с начала 1924 года, были приняты меры к отправкам наших чинов на работы во Францию и Бельгию. Весной эти отправки начались.

1 Сентября 1924 года Генерал Врангель объявил Приказ № 35 — об образовании Русскаго Обще-Воинскаго Союза.

В Русский Обще-Воинский Союз включались все Воинския Части и Воинские Союзы и Общества всех Белых Армий, боровшихся на разных фронтах и разсеянные по всем странам Зарубежья, а также и те, которые в будущем пожелали бы присоединиться к объединению.

Внутренняя жизнь, регламентируемая Уставом отдельных Обществ и Союзов, сохранялась в силе.

В своем административном управлении Русской Обще-Воинский Союз делится на Отделы, а Отделы — на Отделения.

---

*) См. Приложение № 2. Статья, в выдержках, г. Добриновича в газете «Демократический Сговор» от 30 Апр. 1927 г. под заглавием: «Из анкетнаго дела о «Дружбашских» злодеяниях», в переводе.

В созданном Генералом Врангелем Русском Обще-Воинском Союзе — он стремился объединить всех, кто оставался верным РОДИНЕ — РОССИИ.

16 Ноября 1924 года Великий Князь Николай Николаевич принял на себя Верховное возглавление Русскаго Зарубежнаго Воинства.

***

С разрешения Генерала Врангеля, оставаясь во главе 1 Армейскаго Корпуса, 6 Июня 1926 года я отбыл из Болгарии во Францию. Начальником Группы 1 Армейскаго Корпуса в Болгарии я назначил Генер. Штаба Генерал-Майора Зинкевича.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

Статья, в выдержках, болгарской газеты коммунистическаго толка от 29 Сентября 1922 года. В переводе.

Подготовлявшийся военный контрреволюционный переворот на Мине Перник.

Тайное «созаклятническо» собрание врангелевских генералов в Общинском Управлении. — Власть бездействует. — Арест генералов и захват всего их архива рабочими. — Рабочая демонстрация и митинг перед Дирекцией Шахт. — Рабочие шахтеры защищают свою правду и свободу под знаменем Коммунистической Партии. — Дирекция Шахт провоцирует рабочих.

В течение лета Дирекция Шахт разместила около 2000 врангелевцев в шахтерских казармах и бараках при шахтах. Еще тогда мы писали на этом месте, что «дружбашкото» правительство и его Перниковская Дирекция размещают военныя врангелевския части и их штабы и обращают шахты Перника в контрреволюционный военный лагерь против работающих на шахтах и всего рабочаго и малоимущаго класса в стране.

Вопреки много раз объявленным фактам союзом работающих на шахтах в его обращении напечатанном в рабочем вестнике, что в шахтах помещаются явно военныя врангелевския части, правительство, дирекция и «блок» публично заявили, что это не военныя части, а обыкновенные рабочие шахтеры.

Эти ложные, преступные заявления не помешали Дирекции шахт назначить многих генералов и других офицеров на работу в шахты с тем, что они никогда не пойдут на работу, а под прикрытием шахтеров совершают свободно свою военную контрреволюционную и организационную работу по перевороту на Пернике.

С начала Сентября штабы разных полков сильно разрослись и наняли несколько частных помещений под клубы для своих штабов под разными названиями — «Руский Красный Крест», «Русская столовая», «Русская лавка» и другие подобные заведения. А перниковские хозяева перед призраком коммунистическаго революционнаго движения рабочих и малоимущих — с большим удовольствием предлагали и давали свои дома разным врангелевским штабам, генералам и другим офицерам.

Партийная организация, местный комитет и все рабочие бодрствовали и проникли в штабы и их заведения.

27 Сентября узнали, что в самом Общинском Управлении в нижнем этаже состоится заседание штабных генералов, полковников и других офицеров во главе с генералом Вл. Витковским из В.-Тырново, приехавшим для инспекции своей армии на Пернике.

Др. Александр Миленов, как коммунистический общинский советник, заявил городскому голове, что тот допускает в самом помещении Общинскаго Управления заседание военнаго штаба Врангеля для конспирации и организации контрреволюционнаго нападения на рабочих и малоимущих.

На это заявление и протест Городской Голова сначала не обратил никакого внимания и только когда ему объяснили его большую ответственность и кровавые последствия и что если он будет продолжать бездействовать, то для самозащиты шахтеры Перника и малоимущие крестьяне сами будут действовать и разгонят контрреволюционный военный штаб, только тогда он был вынужден спуститься вместе с Др. Ал. Миленовым в комнату, где заседал врангелевский штаб.

На заседании присутствовало 21 офицер и 3 часовых у внешних дверей. При входе Др. Миленов им заявил, что они арестованы, но пока городской голова поставил стражу, 6 человек бежало вместе с ген. Вл. Витковским в русский крас-

ный крест. Др. Миленов с 4 рабочими нашел их там с готовым уже для побега автомобилем с охраной 15 других офицеров, арестовал генерала Вл. Витковскаго и агронома Успенскаго и отвез их в Общинское Управление. При обыске были захвачены все документы и бумаги всей военной организации, из которых самые важные были зашифрованы.

Весть о захвате контрреволюционнаго штаба моментально распространилась по району шахт и рабочие собрались перед шахтерским домом в числе более 2000 рабочих. Им были показаны захваченные документы врангелевскаго штаба и его организации. Это вызвало сильное возмущение среди собравшихся и все единодушно решили устроить демонстрацию перед Управлением Шахт и требовать немедленнаго интернирования и высылки всех военных начальников с шахт.

Тысячное собрание тотчас развернулось в демонстрацию, стройными рядами по 4 в ряд и при полной дисциплине, во главе с местным комитетом и избранной собранием рабочей комиссией и направилось к Управлению Шахт. Там образовался большой 3.000 митинг, на котором власть была вынуждена объявить, что не освободит арестованных и их вышлет из Мины Перник, ибо в противном случае — сами рабочие на другой день их арестуют и связанными отправят правительству, чтобы последнее видело своих «обыкновенных мирных рабочих» — генералов и других офицеров врангелистов.

Избранная рабочая комиссия, с одобрения собрания, решила явиться к министрам и предъявить требования всей шахтерской массы.

Каков будет ответ г. г. министров — неизвестно, но Дирекция Шахт, которая защищает предательские вренгелевские штабы, играет с огнем.

Рудничр.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

Газета «Демократический Сговор» № 1055 от 30 Апреля 1927 года.

Статья Г. Добриновича в переводе и выдержках «Из Анкетнаго Дела о «Дружбашских» злодеяниях».

Среди многих злодеяний сотворенных «дружбашами» за время их власти, есть и следующее, мало известное болгарскому обществу.

В Августе 1921 года правительство Стамболийскаго по договору разместило в Болгарии часть Русской Врангелевской Армии и получило от Русскаго Представительства в Париже 100 миллионов лева для поддержания этой части Врангелевскаго войска.

Советское Правительство опасаясь Врангелевской Армии хотело ее разложить. Для этой цели были посланы в Болгарию агенты: Ген. Комисаров, Чайкин и др. Они договорились с «дружбашскими» сановниками, тогдашними министрами: Ал. Стамболийским, Райко Даскаловым и председателем Народнаго Собрания Неделко Атанасовым, чтобы разложить упомянутую Армию. Исполнение этого было возложено на тогдашнего Помощника Градоначальника Станчо Трифонова, который вместе с большевитскими агентами должен был выполнить эти планы. Начались — шпионство, подкупы и агитация между Врангелевкими солдатами, но результат не был достигнут. Болгарские коммунисты прилагая все усилия действовали для достижения той же цели, теми же средствами, под руководством указанных большевистских агентов.

Весной 1922 года Помощник Градоначальника Трифонов с большевистскими агентами Комисаровым и Чайкиным написали фальшивые письма и приказы, как бы исходящие от Генер. Врангеля Полк. Самохвалову, который был офицером для особых поручений. Содержание фальшивых писем и приказов заключало заговор против Болгарии. Трифонов отмычкой открыл комнату Самохвалова, положив эти письма и приказы в бумаги и, объявив Самохвалова заговорщиком, взял у него два револьвера, пишущую машинку и присвоил их, а его деньги 12.000 лева, поделил со своими агентами. Самохвалова держали 12 дней арестованным при 6 участке, нанесли ему при участии начальника участка Христо-

за сильные побои и выслали его из Болгарии, без отдачи под суд. «Документы» сфотографированные были напечатаны в «дружбашских» и коммунистических газетах, с лозунгами: «Конспирация Врангелевских офицеров против Болгарии». «Гоните их вон из Болгарии».

Прибывает еще множество большевитских агентов, которых назначают агентами в Градоначальство и Общественную Безопасность. Они становятся распорядителями, вместе с болгарским коммунистом Мулетаровым. В этих учреждениях начались сильные гонения против офицеров Врангелевской Армии в Болгарии. Для обезглавления этой Армии, большевитские агенты составляют планы, а Райко Даскалов распоряжается, как министр внутренних дел, об их исполнении. Высылается много офицеров Врангелевской Армии, но она все еще остается неразложенной.

В течение Августа месяца 1922 года Трифонов с большевистскими агентами Комисаровым, Чайкиным, Анисимовым (большевистский полковник) и Володей (калиграф-художник) составили вторую серию фальшивых документов, содержащих заговор против «дружбашских» министров, исходящих от того же Генр. Врангеля к Командиру Корпуса в Тырново — Генералу Витковскому, Генералу Ронжину в Софии и другим офицерам той же Армии. Документы были написаны на бланках с оттиснутой печатью, выкраденной из Штаба Ген. Врангеля, подделывается его подпись и подпись Ген. Шатилова, как Начальника Штаба. Фальсификатором подписей является калиграф Володя. Эти «документы» Трифонов, при произведенном им обыске в Тырново в Штабе и на квартире Ген. Витковскаго, прятал в рукаве, незаметно всунул их между бумагами Ген. Витковскаго, которые собрал в один мешок, запечатал и передал его в Министерство Внутренних Дел. Тоже самое он произвел и в Софии в доме Ген. Ронжина. Сразу началось гонение против офицеров Врангелевской Армии и массовая высылка их из Болгарии. Никакие оправдания не помогли Ген. Витковскому. Один из большевистских агентов, который ему предлагал объявить себя большевистским генералом, сообщил ему как были подделаны документы. Ген. Витковский потребовал установить это, ссылаясь на факты, перед Начальником Штаба Полк. Топалджиковым и министром Даскаловым, но те ему отказали.

При «дружбашской» власти в течение этого же 1922 года большевистские агенты были почти хозяевами положения в Болгарии. Комисаров стал близким приятелем тогдашняго начальника жандармерии Мустакова, он же и начальник общественной безопасности, с которым много раз вместе кутили. Г-жа Комисарова неоднократно ночевала в доме Мустакова. Новоприехавший большевистский агент Борис Николаевич Краснославский, который располагал большими суммами, тоже стал близким приятелем Мустакова и однажды вечером, когда вместе кутили в его доме, пришел по службе начальник 4 участка Митович и при уходе Краснославский догнал его во дворе и совал ему в карманы около 20 тысяч лева, крупными банкнотами. Митович возмутился, вернул их и с трудом отделался от непрошеннаго доброжелателя.

Вскоре, Комисаров с двумя своими приятелями и Трифоновым — ночью бросили через забор во двор Русскаго Посольства десяток ружей, с целью обвинить Представителя Петряева в заговоре против «дружбашских» министров. Митович открыл истину и доложил министру Даскалову. Последний не пожелал его выслушать.

Комисаров начал шпионить и доносить французской разведке фальшивые сведения о нашем оружии и военных материалах, с целью ухудшить положение Болгарии. Об этом узнали наши власти и хотели арестовать его, но Трифонов и другие снабдили Комисарова фальшивым польским паспортом на имя Хриктера и выслали из Болгарии, чтобы не был арестован.

В Софии основалась большевитская ЧЕКА под руководством большевистскаго агента с кличкой Граф Душель и членами Чайкиным и Озол (последний убийца незабвеннаго болгарскаго генерала Радко Димитриева). «Дружбашские» руководители не могли не знать этого, но не безпокоили убийцу. Еще больше, Душель ездил даже в Чам Корию для свидания со Стамболийским. Эта ЧЕКА издавала смертные приговоры. Она осудила одного из деятельных, против советскаго режима, беженца Ген. Покровскаго к смерти. Большевитский агент Краснославский дал Трифонову особое вознаграждение 50 тыысяч лева и тот с болшевитскими агентами исполнителями поехал в Кюстендил как с чинами Софийскаго Градоначальства. Завязывается перестрелка с Покров-

ским, ранят его, затем переносят на окраину города и убивают. Другие такие приговоры исполнялись в Софии.

Трифонов получал от большевистских агентов по 10 тысяч лева в месяц, плюс особую награду в 50 тысяч лева и золотой портсигар с драгоценными камнями, подаренный ему на банкете этими же большевитскими агентами. Если так щедро эти агенты платили Трифонову, можно себе представить, сколько давали они более высшим.

Изложенное и много других преступлений совершенных «дружбашами» должны оставаться незабываемыми памятниками их злодейств, но некоторые руководители партий, с короткой памятью, обещающие законность и порядок, выбранные к власти и руководству, целуются с ними, не стыдясь того, что в рядах «дружбашей» имеется множество патентованных предателей Болгарии, преступников, мошенников и вообще способных на всякие злодеяния и мерзости.

Г. Добринович

IV.

ВЫНУЖДЕННОЕ «ЗАБОЛЕВАНИЕ»

ПАРИЖ

13 Февраля — 24 Июня 1941 г.

IV

ВЫНУЖДЕННОЕ «ЗАБОЛЕВАНИЕ».

Париж. 13 Февраля — 24 Июня 1941 года.

(числа по нов. ст.)

Во время 2-й Мировой войны, после оккупации Франции немецкими войсками в 1940 году, Русские национальные организации, в частности, 1-й Отдел Русскаго Обще-Воинскаго Союза, Начальником коего я состоял со времени гибели Генерала Е. К. Миллера (1937 г.) — продолжали свое существование.

Управление 1-го Отдела РОВС-за находилось, по прежнему, в том же доме (с 1930 года) на рю дю Колизэ, под № 29.

В среду 12 Февраля 1941 года, около полудня, в Управлении Отдела раздался, один из многочисленных в эти часы, телефонный звонок. Подошел к телефону, как обычно, В. В. Асмолов. Я был у себя в комнате, двери были открыты и я слышал, как Асмолов сказал по французски — «Генерал Витковский здесь» и затем переспросил — «его просят из немецкаго сюртэ?» (Полиция безопасности).

Подойдя к телефону, я сообщил о своем присутствии. Далее, произошел следующий короткий разговор: Вы говорите по немецки, спросили меня. Да, немного, ответил я. Вас просят пожаловать в «Зихерхейтсполицей» (Полиция безопасности) на улице Соссэ (где помещалось до окупации французское «Сюртэ») завтра 13-го Февраля в 10 часов утра, приемная на 3-м этаже.

В четверг 13 Февраля ровно в 10 часов я прибыл в «Зихерхейтсполицей» и был проведен в главное здание на 3-й этаж в приемную комнату. Около 10 с половиной час. вошел господин средних лет, в штатском платье и обратился ко мне с вопросом, — я ли Генерал Витковский и говорю ли я по немецки. Вместе с тем, он извинился за опоздание. Я сказал,

V.

ТАЙНЫЙ СОВЕТСКИЙ МИКРОФОН
В УПРАВЛЕНИИ
РУССКАГО ОБЩЕ-ВОИНСКАГО СОЮЗА
В ПАРИЖЕ

Раскрыт 17 Июня 1942 г.

V

ТАЙНЫЙ СОВЕТСКИЙ МИКРОФОН

в Управлении Русскаго Обще-Воинскаго Союза в Париже.

Раскрыт 17 Июня 1942 года.

(числа по нов. ст.)

Чтобы дать читателю ясную картину преступной работы большевиков против Белой Эмиграции и участия в ней одного из предателей, — необходимо напомнить некоторыя события и факты из годов предшествовавших обнаружению тайнаго Советскаго микрофона в Управлении 1-го Отдела Русскаго Обще-Воинскаго Союза (РОВС-за) 29 рю дю Колизэ, в Париже.

После похищения Генерала А. П. Кутепова (26 Января 1930 г.), вступивший в должность Начальника РОВС-за Генерал Е. К. Миллер перевел Управление РОВС-за, вместе с Управлением 1-го Отдела Союза, с Апреля месяца того же года, в дом № 29 рю дю Колизэ Париж 8, где было снято большое помещение во 2-м этаже.

В 1934 году, в целях сокращения расходов, Генерал Миллер распорядился подъискивать другое, более дешевое, помещение для Управления.

К этому времени относится снятие Третьяковым Сергеем Николаевичем в этом же доме трех квартир, а именно, — двух в 3-м этаже, из коих одна как раз над занимаемым РОВС-м помещением, другая, на той же площадке, но меньшаго размера. Третья квартира помещалась на 4-м (мансардном) этаже и в ней поселилась семья С. Н. Третьякова.

С. Н. Третьяков был известен в русских кругах эмиграции, как общественный деятель и Секретарь Русскаго Торгово-Промышленнаго Союза в Париже. О прошлом С. Н. Тре-

тьякова мы находим в статье Н. Тальберга, посвященной памяти Генерала А. П. Кутепова («Россия» от 3 Февраля 1955 г.) следующия строки: «С. Н. Третьяков, в дореволюционное время отдал дань либерализму. Тогда он занимал должность Представителя Московскаго Биржевого Комитета, Товарища Председателя Военно-Промышленнаго Комитета. После революции, он был Председателем Высшего Экономическаго Совета при Временном Правительстве, позднее, Министром Торговли у Адмирала Колчака».

Узнав о том, что Генерал Миллер ищет более дешевое помещение для Управления РОВС-за, Третьяков предложил Генералу Миллеру квартиру на 3-м этаже, расположенную над Управлением, за подходящую цену, предложение было принято и, в Декабре 1934 года Управление РОВС-за (вместе с Управлением 1-го Отдела) перешло в новое, вышеуказанное, помещение.

В 1936 году, когда Генерал Миллер принял на себя и должность Начальника 1-го Отдела, понадобилось сокращение бюджета, в том числе и платы за помещение Управления. И опять, Третьяков предложил перевести Управление в квартиру, на той же площадке, но меньшую, за более скромную плату. В Марте 1936 года состоялась эта перемена.

22 Сентября 1937 года погиб Генерал Е. К. Миллер. Вскоре центр Управления РОВС-за перешел в Брюссель, где проживал Генерал А. П. Архангельский, вступивший в должность Начальника РОВС-за. Я был назначен Начальником 1-го Отдела Союза и мое Управление оставалось по прежнему в Париже, 29 рю дю Колизэ, в том же помещении, т. е. в меньшей квартире на 3-м этаже, снимаемой у Третьякова.

В этом помещении застала нас 2-я Мировая война, начавшаяся 1 Сентября 1939 года.

Через некоторое время, в связи с увеличением работы и штата Управления, явилась надобность иметь большее помещение и опять, уже в третий раз, Третьяков предупредительно предлагает перевести Управление 1-го Отдела РОВС-за в предъидущую квартиру, на том же 3-м этаже, но большаго размера. При этом Третьяков обязался произвести некоторый ремонт и покраску. Я помню, как в это время Третьяков просил меня указать ему распределение канцелярии и в частности, где будет мой кабинет. К 1 Января 1940

года Управление перешло в отремонтированную, большую квартиру.

Летом 1940 года немецкие войска заняли Париж. Мы оставались на своих местах, продолжая нашу работу по объединению и руководству Русскими Воинскими Организациями. Существование и деятельность 1-го Отдела РОВС-за протекали в довольно трудных условиях. Немецкие власти знали наше стремление и цель, а это не совпадало с их задачами, вследствие чего, отношение к нам было, вобщем, недоброжелательное.

4 Июня 1942 года я получил оффициальное извещение из «Зихерхейтсполицей» (Полиция безопасности) коим я вызывался туда на 10 Июня в 9 час, утра. По прибытии в указанное учреждение, меня провели в комнату 345 и там, ко мне обратились с вопросами: знаю ли я С. Н. Третьякова? состоит ли он членом нашей организации? бывает ли он в Управлении нашем? каково к нему отношение и вообще мнение о нем? На все эти вопросы я дал ответы, сводящиеся к следующему: С. Н. Третьякова я знаю, как общественнаго деятеля и как хозяина квартиры, которую мы у него нанимаем для Управления. Членом он у нас не состоит, как не воинский чин. В Управление иногда заходит, ибо живет в том же доме. Отношение к нему, как к лицу постороннему, нормальное и доброжелательное. Ничего предосудительнаго за ним не замечалось. О причинах этих справок о Третьякове мне ничего не сказали и на этом разговор был окончен.

17 Июня утром меня вызвал по телефону Полковн. Мацылев, Начальник Канцелярии 1-го Отдела РОВС-за, и доложил, что к нам в Управление прибыли немецкие офицеры и просят меня поскорее туда прибыть. Я вскоре прибыл. Входя в дом, я обратил внимание, что возле него стоял немецкий грузовик с несколькими солдатами. Войдя в Управление, я пригласил двух бывших там немецких офицеров к себе в кабинет. Старший из них сообщил мне, что у С. Н. Третьякова, в этот день рано утром, был произведен обыск и он арестован, так как у них есть определенныя данныя, что здесь, у меня в кабинете, имеется микрофон, связанный с приемным аппаратом, находящимся в соседней квартире Третьякова, благодаря чему Третьяков имел возможность все знать, что говорилось в моем кабинете. Все слышанное

он передавал затем в Советское Посольство, на рю де Гренель.

Трудно передать, какое изумление вызвало во мне это столь невероятное сообщение. Затем, немецкий офицер просил разрешить позвать солдат с инструментами, ожидавших внизу. Офицер имел в руках план квартиры и тут же приказал пришедшим солдатам отодрать плинтус возле камина, с правой стороны, как раз против моего письменнаго стола. Каково же было мое удивление, когда в стене, под плинтусом, оказался действительно микрофон. Немецкий офицер сказал мне, что им удалось найти и монтера, который делал все проводки и установки микрофонов. В виду некотораго моего сомнения, что микрофон мог хорошо действовать даже будучи покрыт деревянным плинтусом, — офицер предложил вновь приложить плинтус, а в соседнюю квартиру, где имелся приемник, пройти Полковн. Мацылеву, чтобы установить, насколько слышен разговор из моего кабинета. Оказалось, что все было хорошо слышно. Вслед за сим, офицер установил наличие второго микрофона в другой комнате, где работали чины Управления, а также и следы того, что раньше имелся микрофон в кабинете Генерала Миллера, как в этой квартире, так и в другой, меньшей, на той же площадке, в которой теперь проживал Третьяков. Тогда же был снят паркет возле мест где находились, теперь и раньше, микрофоны и приемный аппарат и таким образом обнаружен изолированный кабель проложенный под полом.

Стало ясно, что со времени перваго предложения Третьяковым Генералу Миллеру, в Декабре 1934 года, перейти из 2-го этажа (квартиры нанимавшейся непосредственно у хозяйки дома) к нему на 3-й этаж, — С. Н. Третьяков был уже предателем, оборудовавшим микрофоны при всех переменах квартир, при этом, он всегда оставлял другую квартиру, в том же этаже, за собою, где и устанавливал приемник.

Семья Третьякова, как сказано выше, жила на 4-м этаже и в этот день находилась на даче, в окрестностях Парижа. Насколько известно, немецкие власти установили, что семья С. Н. Третьякова была совершенно непричастна к его преступной деятельности, в силу чего и оставлена была на свободе.

Третьякова немцы увезли сперва в Мезон-Лафит, под Парижем, а затем в Германию. По сведениям полученным его

семьей, он был разстрелян в г. Ораниенбурге, под Берлином, летом 1944 года, незадолго до высадки союзных войск в Нормандии.

Мы не имеем данных, чтобы определить точное время перехода Третьякова к большевикам, но можем утверждать, что в конце 1934 года, когда он приступил к установке микрофонов, в интересах Советской власти, он, следовательно, был предателем.

Трудно сомневаться в совместной преступной работе Третьякова и Скоблина, в особенности в момент быстраго исчезновения последняго из Управления РОВС-за вечером 22 Сентября 1937 года, в день похищения Генерала Миллера.

В заключение надо отметить, что С. Н. Третьяков, все эти годы, держал себя так, что никогда ни в ком не вызывал подозрения, тем более ошеломило всех совершенное им чудовищное преступление.

СОДЕРЖАНИЕ